

К ИСТОРИИ ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСАНИЯ ВРЕМЕНИ ИВАНА ГРОЗНОГО

Тема статьи — лицевые летописи о казни дьяка Федора Мишурина в 1538 г. Лицевые летописи, посвященные времени Ивана Грозного, хранятся в Синодальном собрании Отдела рукописей Государственного Исторического музея. Это последние части огромного лицевого свода — так называемая Синодальная летопись (или Никоновская с картинками) ¹ и Царственная книга ². Лицевые летописи, история их создания и редактирования, миниатюры рукописей вызывают в последние десятилетия все больший интерес исследователей ³. Листы рукописей с сообщением об «убийстве Федора Мишурина» особенно интересны тем, что это первый лист Синодальной летописи (далее — С) со значительной редакторской правкой, существенно дополняющей первоначальный текст, а также тем, что в Царственной книге (далее — Ц) — и в тексте, и в миниатюре — частично учтены эти изменения.

Дьяк Федор Михайлович Мишурин — один из влиятельнейших правительственных деятелей 1530-х годов ⁴. Как особо приближенный дьяк Василия III, в 1533 г. он был в его предсмертной думе, которой тот приказал «о своем сыну великом князе Иване Василиевиче и о устроении земском, како бы правити после его государство» ⁵. Именно дьякам Меньшому Путятину и Ф. Мишурину «повеле князь великий писати духовную свою грамоту и завет о управлении царствия»; Мишурину велено было «быти в товарищех» у Путятина ⁶.

После кончины Василия III Мишурин проверял и подтверждал имунитетные грамоты. Мишурин подтверждал грамоты уже и прежде — в 1526/27, 1529, 1532 гг., но право массовой проверки и подтверждения их получил в 1534 г. Большинство грамот (около шестидесяти) подтверждено Мишуриным в январе — марте 1534 г., но некоторые — и позднее: в апреле, мае, июле, октябре 1534 г., январе, феврале, мае, июле, октябре 1535 г., июле, ноябре 1536 г., июне 1538 г. Мишурин и подписывал имунитетные грамоты — в сентябре 1531, январе 1534, ноябре 1535, мае 1537, в 1537/38 гг. ⁷

В 1534 г. беглецы из Пскова — дьяк «с товарищи» в показаниях литовским властям в числе лиц, которые в Москве «всякие дела справуют», указали шесть дьяков и среди них Ф. Мишурина ⁸. Таких дьяков обычно называли «дьяки великие» ⁹. Мишурин принимает деятельное участие в переговорах с литовскими послами, встречается (опять вместе с Путятиным) казанского хана Шигалея (Шах-али) ¹⁰. К Мишурину прислали известие о мятеже князя Андрея Ивановича Старицкого ¹¹. Иван Грозный в первом послании Курбскому (1564 г.) характеризовал Мишурина как «отца нашего да и нашего дьяка ближняго» ¹². Мишурин принадлежал к той дьяческой верхушке, которая, отодвинув вельмож, не только

фактически руководила всем делопроизводством правительственного аппарата, но и оказывала заметное воздействие на выработку самого направления правительственной деятельности¹³.

После смерти Елены Глинской (едва ли не насильственной) наступил период «безгосударства». Бежавший за рубеж в конце сентября 1538 г. инженер Петр Фрязин рассказывал: «Промеж бояр великая рознь... в земле русской мятеж и безгосударство»¹⁴. (Характерно, что «безгосударским временем» называли впоследствии последние годы польско-шведской интервенции начала XVII в.¹⁵). В столкновениях боярских группировок, пытавшихся властвовать именем малолетнего государя¹⁶, Мишуриин, видимо, занял сторону князей Бельских и других Гедиминовичей (поддержанных потомственными московскими боярами) против знатнейших «принцов крови» Рюриковичей князей Шуйских (поддержанных новгородцами).

Казнь Мишурина — первая публичная смертная казнь за политическую деятельность в период правления Ивана IV — произвела, по-видимому, сильное впечатление на современников. О ней сообщают разные летописи.

Особенно выразительна запись Хронографической летописи: «бояре казнили дьяка Феодора Мишурина, без великого князя ведома, не любя того, что он стоял за великого князя дела»¹⁷.

Об убийстве Ф. Мишурина сообщается на л. 44 С. Текст написан почерком и в манере соседних листов рукописи. Сравнивая текст С с другими летописными текстами, нетрудно убедиться, что он отличается от еще более лаконичных текстов близких к нему списков Никоновской летописи¹⁸ (далее — Н) и совпадающего с ним в данном случае текста Воскресенской летописи¹⁹ (далее — В). Воскресенская летопись, как установила С. А. Левина, была составлена в первой половине 1540-х годов сторонником Шуйских²⁰, не склонным, естественно, особенно распространяться об их «самовольстве»²¹ (слова Летописца начала царства — далее ЛНЦ). С отличается, однако, и от ЛНЦ²², включенного также в Львовскую летопись (далее — Л) и в некоторые списки Никоновской летописи²³, тексты которых, напротив, пространнее, чем С. Соотношение и редакций и списков летописей середины XVI в. изучено еще недостаточно детально²⁴, а реставрация первоначального текста летописей «путем сравнительного изучения всех списков позднейших редакций представляет, как заметил А. Е. Пресняков, значительные трудности, потому что их отличия несут следы тенденциозных переделок, то пропусков, то вставок, на которых отразилась позднейшая партийная борьба, и разобраться в них с полной уверенностью довольно трудно»²⁵. Летописание эпохи Ивана Грозного можно, употребляя выражение Б. А. Рыбакова, назвать «полюемическим летописанием»²⁶.

В основе С был, видимо, Н по списку Оболенского, но летописатель²⁷ внес в текст изменения. В С имеются подробности, не известные по другим спискам официальных летописей: Мишурина «повелеша... ободрати на своем дворе и нага положити на плаху». Однако это дополнение напоминает текст Постниковского летописца, составленного, по мнению М. Н. Тихомирова, дьяком Постником Губиным. Уже высказывалось предположение, что Постниковский летописец (далее — П) (или близкий к нему) был знаком автору приписок к лицевым летописям²⁸. Перед нами, можно думать, дополнительное подтверждение этой гипотезы.

Никоновская
летопись²⁹

В лето 7047. Бысть вражда меж бояр князя Василья да князя Ивана Васильевичев Шуйских со князем с Ъваном с Федоровичем Белским. И в той их брани повелеша Шуйские и иные бояре убити великого князя диака Федора Мишурина.— Того же месяца преставися князь Василей Васильевич Шуйской.

Постниковский
летописец³⁰

Лета 7047 октября 21 день бояре поймали диака Федора Мишурина на княж Ондреевском дворе, платье с него ободрали до нага, а вели до тюрьмы нага, а у тюрем ему того же часу головы ссекли.

Синодальная
летопись

В лето 7047. Бысть вражда меж бояр князя Василия и князя Ивана Васильевичев Шуйских с князем с Ъваном с Федоровичем Бельским. И в той их брани повелеша Шуйские и иные бояре великаго князя диака Федора Мишурина ободрати на своем дворе и нага положили на плаху и повелеша его убити. Того же месяца преставися князь Василей Васильевич Шуйской. (Закурсивленное написано кинварью).

М. Н. Тихомиров, сопоставив известия П с первым посланием царя Курбскому, пришел к выводу, что Иван IV приводит факты, подтверждаемые именно этим летописцем (слухи о том, что в 1547 г. «чародейством Москву попалили», потому что «сердца человеческая выимали») ³¹. Вероятнее всего, в П почерпнул Иван Грозный и сведения о казни Мишурина, когда вспоминал, что на дворе его погибшего дяди князя Андрея Ивановича стал жить князь В. В. Шуйский, и «на том дворе, сомнищем иудейским, отца нашего да и нашего дьяка ближняго Федора Мишурина, изогнав, позоровав, убили» ³². Все это дает основание предполагать, что составитель С пользовался также и П, а возможно, и посланием Ивана Грозного в полной редакции. Более того — он удовлетворился данными именно этого источника (или этих источников), не привлекая дополнительных сведений из ЛНЦ.

Над текстом л. 44 С, как и на других листах рукописи,— большая миниатюра. В XVII в. миниатюры С были раскрашены ³³, и раскраска, возможно, искажает первоначальный замысел художника, во всяком случае, огрубляет рисунок.

Миниатюре л. 44 С свойственны черты, характерные для изобразительного искусства Древней Руси и в достаточной уже мере выявленные учеными. Миниатюры — это не буквальные зарисовки, а условные схемы, авторы которых придерживались определенных представлений об изображении явлений в пространстве ³⁴, и следовали правилам этикета, предопределявшего, что и как должно изображать. В миниатюрах XVI в. отсутствуют привычные нам ныне представления о единстве времени и единстве места — в одной и той же миниатюре изображаются последовательные эпизоды, в совокупности составляющие одно событие, и одно и то же лицо появляется, по определению Ф. И. Буслаева, в различных позах и при различных обстоятельствах ³⁵. В то же время миниатюристы, как выяснил А. В. Арциховский, следуют тексту обычно настолько точно, что даже мелкие детали соответствуют словам летописца. Однако летописный текст оказывается иногда своеобразно истолкованным или дополненным миниатюристом ³⁶. Тенденция иллюстратора, замечает Б. А. Рыбаков, обнаруживается не только в отборе событий, подлежащих изоб-

ражению, или в умолчании о том, что не нравится ему; отношение к событиям и лицам художник может выразить и количеством рисунков, и манерой изображения. «Лицевая рукопись,— пишет Б. А. Рыбаков,— напоминает текст, подчеркнутый редакторской рукой,— одно в нем вышло выделено и навязано читателю, а другое упрятано в тень»³⁷.

На рисунке л. 44 С трижды изображены городские стены. Это — не просто имеющее эстетическое назначение художественное оформление миниатюры и «самостоятельных» эпизодов. Стены с крепостными зубцами, и особенно башни-стрельницы, в лицевых летописях обозначают город³⁸. Здесь типичное для С изображение Московского Кремля, что подчеркивается еще изображением церкви справа в углу. Художник хотел показать, что действие происходит в пространстве, ограниченном кремлевскими стенами. Любопытно отметить, что Кремль не упомянут в иллюстрируемом тексте — так художник истолковал слова «на своем дворе».

В миниатюре воспроизведено несколько последовательных действий. Наверху справа — две группы бородатых людей. Четко видны не только лица, но и головы — знак того, что участников событий было много. Быть может, разделение на группы, впереди которых жестикулирующие люди, обозначает сторонников Шуйских и Бельских, сцены «вражды меж бояр»? Скорее, однако, можно предположить, что это — момент отдачи распоряжения о расправе с Мишуриным («и в той их брани повелеша Шуйские и иные бояре»), так как у стоящих впереди групп (а только их фигуры нарисованы достаточно ясно) различаются одежды — слева и чуть выше человек в боярской одежде. У всех, как и обычно на миниатюрах, — русские шапки с косыми отворотами³⁹.

Слева — непосредственное продолжение действия. Мишурина раздевают («повелеша... ободрати»). У одного из участников расправы в руках его кафтан. Много людей с достаточно хорошо прорисованными фигурами и лицами. Наиболее активны люди в корзно (в том числе и безбородый): один держит одежду дьяка, другой (слева) схватил его за руку. В расправе участвуют не только бояре, но и те, кто исполнял повеление Шуйских, т. е. и люди молодые или стоявшие на более низкой социальной ступени, которых можно и даже должно было изображать безбородыми⁴⁰. Сам дьяк — уже обнаженный — с бородой. Он был человеком не только высокого служебного ранга, но и по тем временам уже явно немолодым.

Стена с тремя башнями (одна — воротная) отделяет эту сцену от другой. Опять показано, что действие продолжается внутри Кремля. Это — сцена казни. Обезглавленный Мишурин лежит, руки вытянуты вдоль тела. На нем только пояс или веревка. Видна деревянная плаха. Показано, что его положили на плаху нагим, — в других миниатюрах С и Ц казнимые обычно в нижней или даже в верхней одежде (ср. сцены торговой казни бояр князя Андрея Ивановича в С или умерщвления князя Юрия Васильевича Глинского в Ц).

Исполнитель казни бородат, одет в корзно. Секиру он держит обеими руками. Так же держат секиру и палачи в сцене казни сторонников Василия Ивановича (будущего Василия III) в 1498 г., изображенной на л. 552 Шумиловского тома Лицевого свода⁴¹. Впереди и сзади трупа — две группы людей: слева — в корзно, один из троих ясно нарисованных людей — без бороды; справа — в иной, простонародной одежде. Возмож-

но, что так противопоставались бояре — инициаторы и исполнители казни — другим ее участникам и зрителям. Определить значение жестов человека, стоящего впереди каждой группы нелегко: для этого понадобилось бы сравнить миниатюру со многими другими, установить характерные черты манеры именно данного художника, привычные для него условные жесты. А пока такая работа не проделана (это тема особого исследования!), можно лишь предположительно признать эти жесты знаками участия в совершаемом событии. Во всяком случае, ни у кого на миниатюре нет жеста печали (рука, прижатая к щеке)⁴², как при изображении казни на л. 552 Шумиловского тома (там подобный жест у Василия и у великой княгини Софьи).

Л. 44 С особенно интересен добавлениями к тексту. Это один из самых насыщенных приписками листов С. Приписки сделаны у верхнего края листа, между верхней строкой текста и миниатюрой, между строками текста и на правом поле листа, под текстом — слева от слова «убити» и на нижнем поле.

В издании летописи⁴³ не отмечена приписка под миниатюрой — три буквы «ноя». Можно предположить, что это первая половина слова «ноябрь», так как оставлено место для написания еще примерно трех букв. В С обычно после года указывается месяц (часто месяц, число и день недели). Более того, перед упоминанием о следующем по времени событии — кончине князя В. В. Шуйского — написано «Того же месяца» (л. 44 об.). Слово на л. 44 осталось, однако, недописанным: возможно, летописатель узнал, что временем расправы с Мишуриным был октябрь. Выяснить он это мог и по П, и по ЛНЦ⁴⁴. При этом в П в отличие от ЛНЦ дата смерти Шуйского — ноябрь⁴⁵ (не подтверждаемая другими источниками)⁴⁶. Не оттуда ли дата «ноя[брь]»?

Приписка у верхнего края листа сохранилась не полностью, частично лист был обрезан при переплетении рукописи; текст этот восстанавливается по Александро-Невской летописи (далее — АН): «Того же месяца апреля [Шуйские и иные бояре поимаша боярина и ко]нюшего князя Ивана Овчину и посадища за сторож [и, идеже си]дел князь Михайло Глинской, и умориша его гладом на 6-й день»⁴⁷ (восстановленные места в скобках). Приписка относится фактически к предыдущему листу, к событиям предшествовавшего года по сентябрьскому стилю — 7046 г. В В и в тех списках Н, к которым близок список С, известие об «поимании» Овчины отсутствует. В ЛНЦ⁴⁸, напротив, встречаем достаточно подробное сообщение об этом и виновниками расправы названы Шуйские. (Неблаговидное поведение Шуйских было, очевидно, причиной невключения этого известия в летописи, основанные на текстах, написанных сторонником Шуйских.) Но только в П указывается на то, что «посадища» Овчину в ту тюрьму, где сидел ранее М. Л. Глинский, и уморили его, и именно на шестой день. И приведены эти слова в П непосредственно перед сообщением о казни Мишурина⁴⁹ (в отличие от ЛНЦ, где сведения о казни Овчины и казни Мишурина разделены достаточно подробными сообщениями о других событиях апреля — сентября 1538 г.).

Таким образом, находится еще одно подтверждение знакомства летописателя С с П. Это обнаруживается и при изучении приписки на л. 43 С о «преставлении» князя Андрея Ивановича Старицкого. Текст л. 43 С завершает рассказ о «замятне» — «мятеже» и «поимании» дяди Ивана IV. Внизу на л. 43 С приписано: «тут надобе написати о княже Ондре-

еве преставлении так: а князь Ондре[й в той нуже седсл] полгоду и преставися и положен бысть в Архангиле на левой стороне в го[довах у брата своего] у князя у Юрья у Иваповича». Поставленные в скобки места были обрезаны при переплетении рукописи и восстанавливаются по тексту Ц⁵⁰. В издании С (ПСРЛ, т. XIII) места эти восстановлены не полностью, так как для сличения пользовались только АН, где эта приписка отсутствует. Можно полагать, что в списке, с которого копировали АН (или в самой летописи) не уцелел лист; не случайно слова «да велели их казнити смертною казнью вешати по Новгородской дороге, не вместе, и до Новгорода» (т. е. как раз те слова, которые читаем в основном тексте л. 43 С) приписаны, как отмечает публикатор летописи, более мелко, сходным почерком и чернилами⁵¹.

В ЛНЦ о захоронении Старицкого читаем: «а положен во Арханеле на Москве, идеже лежат великии князи»⁵². Только в П сообщается о том, что «положиша его в Архангиле и где кладут опальные же князи, по коце брата его князя Юрья»⁵³.

Третья приписка на л. 44 С тоже уцелела не целиком. Часть ее, утраченная при переплетении рукописи, восстанавливается по АН: «великого князя княжатом [и боярским де]тем и дворяном»⁵⁴. Так конкретизируется мысль: кому «повелеша Шуйские и иные бояре» позорно казнить дьяка Мишурина. Это тоже, очевидно, должно было показать, что Шуйские имели возможность (вернее сказать, присвоили себе право) действовать без повеления великого князя.

Приписка в нижней части листа как бы возвращает читателя к первой фразе летописного текста о «вражде меж бояр» Шуйских и Бельских: «а князя Ивана Федоровича Белскаго поимаша и посадиша его за сторожи на его дворе, а боярина Михайла Васильевича Тучкова сослаша с Москвы в его село»⁵⁵ (в слове «Москвы» зачеркнуты лишние буквы).

Приписка под миниатюрой — «ноя» сделана более аккуратно, чем другие на том же листе, хотя и схожим почерком (особенно напомиравшим почерк приписки «боярин» на л. 44 об. над словами «преставися» и «князь» — о В. В. Шуйском). Быть может, было два этапа (или, точнее сказать, момента) редакционной работы. Сначала исправлялись ошибки в написании слов (особенно собственных имен) и вносилась формально-фактологическая правка, а затем уже вносились дополнения (и изменения) тенденциозно-политической направленности (причем первоначально в виде черновых записей). Еще А. Е. Пресняковым установлено, что почерк, чернила и сама манера написания дополнительного летописного текста схожи в С и Ц. В интерполяциях много недописанных слов, зачеркиваний, пропуски слов (и даже групп слов), имеются орфографические ошибки (кажущиеся особенно странными при сравнении с многочисленными редакционными поправками, исправляющими орфографию летописца⁵⁶). Характеризуя Царственную книгу, А. Е. Пресняков отмечал, что «приписки как будто сделаны все сразу, а не для отдельных листов: их чернила отпечатались на соседних страницах; автор их имел перед собой все листы и перебирал их»⁵⁷. Это наблюдение можно распространить и на Синодальную летопись.

Похоже на то, что правка делалась под диктовку (в торжественный, несколько замедленный темп повествования врывается разговорная речь)⁵⁸ и по указаниям какого-то властного лица, не склонного ни приспособиться к темпу письма пишущего, ни ожидать, пока высохнут

чернила, — на л. 44 некоторые буквы смазаны, на обороте л. 43 так же, как и на оборотах некоторых других листов С (и особенно Ц), отпечатки правки чернилами на последующих листах. Очень возможно, что этим властным лицом был Иван Грозный. Тенденциозный характер вставок в лицевые летописи и совпадения содержания некоторых из них с содержанием царского послания Курбскому не оставляли у С. В. Бахрушина «сомнения в том, что они были сделаны по распоряжению самого царя»⁵⁹. Д. Н. Альшиц привел, думается, достаточно веские доказательства причастности лично Ивана IV к редактированию лицевых летописей⁶⁰ (и эти соображения поддержаны в специальной литературе⁶¹); нет только серьезных оснований признавать приписки автографами царя.

Правка текста С была учтена составителем Ц и в тексте (на л. 170 и 170 об.), и на миниатюре (л. 170 об.). На л. 170 и 170 об. помещена летописная статья с киноварным заголовком «О вражде бояр великого князя и о убийстве диака Федора Мишюрина».

Сравнивая тексты С и Ц, убеждаемся в том, что текст С несомненно оказал воздействие и на летописателя, и на художника Ц, но был использован ими не полностью. Несомненно и то, что при составлении Ц обращались не только к С. В данном случае явно обнаруживается влияние ЛНЦ. На то, что при составлении Ц обращались к другим летописным памятникам — ЛНЦ, Степенной книге (или общим с ней источникам), указал А. Е. Пресняков в 1893 г.⁶² После научной публикации летописей середины XVI в. в Полном собрании русских летописей эта зависимость Ц от других летописных памятников стала еще более очевидной⁶³. Сравнительное рассмотрение Ц, С и других летописей времени Ивана Грозного важно не только для изучения Ц как памятника официальной публицистики, но и для создания достаточно полного представления о характере и приемах редакторской работы летописателей середины XVI в.

Полностью текст л. 44 С, включая правку, переписан только в АН⁶⁴. В Ц же имеет место соединение текстов (точнее сказать, части текстов) — основного (первоначального) текста С и части его правки и текста ЛНЦ. Следовательно, отредактированный уже текст С не признавался окончательным вариантом при составлении Ц. Убеждает это и в том, что и при редактировании С, и при редактировании Ц имелись для сравнения какие-то другие летописные тексты (или другой летописный текст). Система редактирования лицевых летописей была сложной и многоступенчатой.

Выясняется (что отметил еще А. Е. Пресняков⁶⁵), что в Ц внесена не вся правка л. 44 С. Не попали в Ц вставки о «поимании» Овчины и об опале Бельского и Тучкова. И ошибаются те исследователи, которые полагают, что все вставки С «внесены в основной текст» Ц⁶⁶ и составитель Ц до мелочей учел все поправки редактора С («ни одно это замечание не было пропущено, все приписки внесены в текст»)⁶⁷.

Предстоит еще попытаться установить основания для невключения именно данных текстов в Ц. Возможно, что это связано в первом случае с разговорами об особой близости матери царя с Овчиной, сына и племянника которого казнил Иван Грозный⁶⁸. Могло неприятно подействовать и напоминание о жестокой расправе самого Овчины с родственником царя (дядей его матери) князем Глинским (женатым к тому же на двоюродной племяннице Овчины⁶⁹). Глинский, судя по Постниковскому летописцу, был отомщен: Овчину упрятали в ту самую тюрьму, куда он

свѣдѣно. ѿмъ е... Кисть поража мѣжъ
 бои рѣки Зѣпаси и мѣдики и пана
 василіе и нѣтѣвъшѣунискихъ. стѣки съемъ
 свѣтаное Федоро и темъ бѣльскимъ.
 и шпони и брани. поцелѣша шѣунискіе.
 и нѣтъ бои ревелисаго и нѣтъ діака Фера
 мншѣ рини шѣвѣ рана своемъ дѣкорѣ и нага
 положил на плаху. и поцелѣша его

оуби
 тп
 и
 и

и дажди и фектоль
 и мѣ дѣ рини мѣ

Цѣптон ибрани поделъша шднскіе .
 ииные богаре пунікого княдіакѣ
 федора мишюрна в кодратина свое
 дворѣ пунікого княдіакѣ и бога
 рски дѣтѣ и двораню . и нага положи
 на плахѣ . и поделъша его казнити
 смертною казнію . и вѣскоша главо
 его оупиоре безгѣрскогоселъня . в
 істѣрѣвѣ . ка . вѣне .

Рис. 2. Лист Лицевого летописного свода

ранее заключил Глинского, и наложили на него «ту же» железную «тягость», которая, по его распоряжению, была прежде на Глинском. Во втором случае невключение вставки легко было бы объяснить особой личной неприязнью к М. В. Тучкову как к родственнику (деду) Курбского и как к человеку, пытавшемуся распоряжаться делами именем малолетнего государя⁷⁰. Но текст Ц дошел не целиком (см. об этом далее), и на утраченном листе могла идти речь и о Тучкове — тем самым подчеркивалось бы, кстати (вопреки Курбскому и в научение ему), что и его, Курбского, родственники оказывались жертвами вражды бояр друг с другом (ими же самими вызванной) и невнимания их к нуждам государя и государства.

В то же время в Ц достаточно широко использован (но также не полностью) текст ЛНЦ, причем не в ранней редакции, а по списку Академическому XIV (или близкому к нему)⁷¹. В списке ЛНЦ ранней редакции⁷² отсутствуют имеющиеся в более поздней редакции рассуждения морализующего характера: «И многие промежь их бяше вражды о корыстех и племянех их, всяк своим печется, а не государьским, не земским», и о «мятежах» и «нестроении» «грех ради наших».

Судить о степени полноты использования в Ц текста ЛНЦ не просто, так как в Ц очевиден пропуск слов из-за утраты листа или листов — сохранился конец фразы со словами: «...князе Юрье о Голицыне о боярстве и о иных боярех...» (л. 172) (это отмечено издателями в т. XIII ПСРЛ)⁷³. В сохранившемся тексте Ц, описывающем убийство Мишурина и боярскую вражду осенью 1538 г., обнаруживаются явные различия с ЛНЦ, текст которого был, видимо, положен в основу этого описания в Ц.

Летописец начала царства⁷⁴

О убийстве Феодора Мишурина

Тоя же осени по диаволу действу бысть пелюбие межю великаго князя бояр: начаша враждовати князь Василий да князь Иван Шюскыи на князя на Ивана Федоровича на Бельского, да на князя Юрья на Голицина на Булгакова, да на Ивана на Хабарова, да на великаго князя дияка на Феодора на Мишурина за то, что князь Иван Бельской съветовал великому князю, чтобы князь великий пожаловал боярством князя Юрья Голицина, а Ивана Хабарова околичим. И многие промежь их бяше вражды о корыстех и о племянех их, всяк своим печется, а не государьским, ни земьским. А князя Василиа да князя Ивана Шуйских не быше их ту в съвете том, и они же о том начаша вражду велику държати и гнев на Данила митрополита и на князя Ивана на Бельского и на Феодора на Мишурина. И за тую вражду поймаша князя Ивана Бельского и поса-

Царственная книга⁷⁵

Тоя же осени по диаволу действу л. 170

быть вражда между великаго князя бояр: начала враждовати князь Василей да князь Иван Василиевичи Шуйские на князя на Ивана на Федоровича на Бельского да на Михаила Василиевича Тучкова за то, что князь Иван Бельской да Михайло Тучков советовали великому князю, чтобы князь великий пожаловал боярством князя Юриа Михайловича Голицына, а Ивана Ивановича Хабарова околичимъ; а князь Василей да князь Иван Шуйские того не восхотеша. И многие промежь их быше вражды о корыстех и о племянех их, всяк своим печется, а не государьским, ни земским. И о сем начаша вражду велику държати и гнев на Данила митрополита и на князя Ивана на Бельского и на Михаила Тучкова да на диака на Федора на Мишюринна. // И в той их брани повеле л. 170 об. ша Шуйские и иные бояре великаго князя диака Федора Мишюринна ободрати на

диша его на княже Феодоровском дворе Мстиславского за сторожи, а съветников его разослаша по селом, а дьяка Феодора Мишурина казниша смертною казнию, отсекоша главу ему у тюрем, без государьского веления; и многу мятежу и нестроению в те времена быша в христианьской земле, грех ради наших, государю младу суцу, а бояре на мзду уклонишася без возбранения, и многу кровопролития промежь собою въздвигоша, и в неправду суд держаще, и все не о бозе строяше, богу сиа попуцающе, а врагу действующе. Октомвриа 21, в понеделник.

своем дворе великого князя княжатою и боярским детем и дворяном и нага положили на плаху и повелеша его казнити смертною казнию; и отсекоша главу его у тюрем без государьского веления октября в 21 день, в неделю.

В первой же фразе относительно нейтральное слово «нелюбие» заменено словом «вражда». В следующей фразе среди имен тех, против кого «начаша враждовати» Шуйские, оставлено только имя И. Ф. Бельского; имена Ю. Голицына-Булгакова, И. Хабарова и Ф. Мишурина опущены, зато добавлено имя М. В. Тучкова, причем он назван трижды (и как советовавший вместе с Бельским царю, и снова как лицо, против которого «держали гнев» Шуйские). Можно полагать, что имя это взято из приписки в С.

Заметна здесь и редакционная правка: Ю. М. Голицын и И. И. Хабаров в ЛНЦ написаны без отчества, в Ц — с отчествами. Изменен и порядок предложений, в ЛНЦ — сначала обличительная сентенция о взаимной вражде бояр и преобладании личных корыстолюбивых интересов над интересами государя и земли, а затем уже о том, что Шуйские не были в «совете»; в Ц — обратный порядок предложений и смысл фразы о Шуйских существенно изменен: «того не восхотеша». В Ц опущены подробности опалы Бельского и его советников, впрочем, вероятно, они-то и оказались перенесенными на следующий лист, где логичнее было писать после казни Мишурина о гибели Бельского и о предшествовавшей ей аресте Бельского и ссылке его советников. В описании казни дьяка Мишурина объединены сведения из С, приписки в С и из ЛНЦ (о казни «у тюрем без государьского веления»). Возможно, что на следующем листе или его обороте была переписана из ЛНЦ и заключительная морализирующая сентенция о мятежах и нестроениях, кровопролитиях и т. п. «грех ради наших», так напоминающая сентенции в речах царя Ивана на соборах.

Обращает на себя внимание дата Ц — «октября в 21 день в неделю». В ЛНЦ указано, что 21 октября был понедельник, так это действительно и было в 1538 г., т. е. в 7047 г. по сентябрьскому стилю. В 7046 же году (т. е. в 1537 г.) 21 октября было воскресеньем — «неделю». В Ц не указана начальная дата года (по сентябрьскому стилю), а перед этим составитель увидел описание смерти Елены Глинской в апреле 1538 г., где стояла дата «В лето 7046». И он, вероятно, полумеханически нашел в справочных пособиях (пасхалиях?), какой день недели был 21 октября 1546 г. Тогда это показывает, что у летописателя под руками, кроме нескольких (не менее двух) списков летописи, было еще справочное

пособие по хронологии, столь необходимое для летописной работы (не исключено, впрочем, что ошибка имелась уже в одной из летописей, которые держал перед собой летописатель).

Особо важно отметить, что отнюдь не весь текст Ц, посвященный описанию вражды бояр и преследования Мишурина и других противников Шуйских и выделенный особым киноварным заголовком, сопровождается иллюстрациями в миниатюрах. На л. 170 — сплошной текст, тема миниатюры л. 170 об. — только расправа с дьяком Мишуриным.

Это сравнительно редкое явление для Царственной книги. Там, как правило, текст остается без иллюстраций тогда, когда излагается содержание речей, особенно речей, насыщенных цитатами, например предсмертной речи-обращения Василия III (л. 45, 46, ср. также л. 87 об., 118, 120 об., 124 об., 189 об.—190, 192 об., 202 и др.). Не оставили ли этот текст без иллюстрации так же, как текст о начале опричнины в Синодальной летописи (тоже выделенный киноварным заголовком), до дополнительного редакторского просмотра⁷⁶ или торопились завершить работу по оформлению летописи?

На л. 170 об. не первое изображение дьяка Мишурина в Ц. Он по крайней мере дважды был изображен в Ц и ранее, на лл. 29 и 29 об., в миниатюрах, иллюстрирующих пространный рассказ о кончине Василия III, причем оба раза вместе с дьяком Путятиным, «в товарищех» которого был при составлении духовной великого князя. На миниатюре л. 29 Ц близ постели умирающего Василия III за столом (точнее даже — у стола) — двое писцов. Василий III — длинноротый, в великокняжеской одежде и в великокняжеской шапке с меховой опушкой; бояре ближние — бородастые, в русских шапках. На заднем плане — слева придворные; справа, в верхнем углу, — Елена Глинская в венце, на коленях ее — грудной младенец Юрий (в княжеской шапке), старший сын — трехлетний Иван — рядом, он в великокняжеской шапке. Близ них мамка, придворные — мужчина и женщины. Обе эти группы изображены потому, что речь идет в духовной о «завете управления царствия сынови своему и наследнику». Действие происходит в Кремле, традиционно показаны кремлевские стены: и снизу, и сверху. Основная сцена — «постельные хоромы» великого князя. Он окружен боярами слева и справа, но особо выделены дьяки, так как именно о них идет речь в тексте под миниатюрой. Дьяки — бородастые, в русских шапках, но одежда их заметно отличается от боярской. На них кафтаны со пнурами на груди и драгоценной оторочкой по низу. Любопытно, что в миниатюре л. 29 об., изображающей также дьяков (одного — пишущего, а другого — протягивающего духовную грамоту Василию III), но иллюстрирующей текст, где имена дьяков особо не выделены, дьяки — в корзно. Свитки-столбцы дьяки держат на коленях. Так обычно писали и переписывали набело грамоты в приказах⁷⁷. В руках у обоих дьяков — перья, на столе — чернильницы, возможно, что рядом с чернильницами печать (это напоминает традиционные изображения пишущих евангелистов на иконах и в миниатюрах).

Вероятно, оба дьяка одновременно писали под диктовку (а быть может, и корректировали содержание составляемой грамоты). Государь вообще имел обычай диктовать сразу двум (или более) писцам-дьякам, один из них был «в товарищех». Так, можно полагать, диктовал и царь Иван свое знаменитое первое послание Курбскому, чем и объясняются

заметные разночтения в протографах дошедших до нас полных редакций послания⁷⁸.

По основательному предположению А. Е. Преснякова, повесть «о преставлении» Василия III была написана «под свежим впечатлением только что пережитого» и пространный рассказ этот составлен, очевидно, дьяками-очевидцами и участниками описанных в нем событий⁷⁹. Вообще, вероятно, уже тогда утвердился обычай обязательного подробного письменного фиксирования таких событий, как «преставление» государей (и соответственно вокняжение новых государей), и авторами описаний были дьяки, связанные с оформлением духовной грамоты. По свежим следам создавалась повесть (или, вернее, «черный список» — черновик ее), которая затем использовалась (сразу или по истечении какого-то времени) при составлении или редактировании официальной летописи (такие «черные списки» могли находиться сначала у автора или редактора, а затем оказывались в архиве). Возможно, и знаменитый рассказ-приписка к Ц о болезни Ивана IV в марте 1553 г., показавшейся его приближенным смертельной, тоже основан на подобном же типа повести, составленной, вероятно, дьяком И. М. Висковатым, который первым «вспомяну государю о духовной»⁸⁰. Как и повесть о преставлении Василия III включили в официальную летопись значительно позднее ее написания, повесть 1553 г. использовали только при редактировании Ц, когда велено было «написать тут: ...о болезни царской»⁸¹, уже в последние годы жизни грозного царя.

Миниатюра л. 170 об. Ц так же, как и миниатюра л. 40 С, показывает, что действие происходит в Кремле. Сверху рисунок ограничен стеной с кровлей. Стены, точнее, условные здания крыши, теремные верха, ворота, — отделяют и части миниатюры, посвященные отдельным эпизодам расправы с Мишуриным. Наверху, в центре Иван IV — безбородый (ему восемь лет), в короне и великокняжеской одежде, с жезлом в руке. По бокам его, справа — бородатые люди (видимо, бояре), слева — безбородые (не рынды ли?). Быть может, изображение юного государя должно было показать, что уже началось его правление (непосредственно перед этим на л. 169 об. текст, сопровождаемый миниатюрой, о кончине матери Ивана IV), но характерно, что Иван IV показан пассивным, без типичного для государя указующего жеста (так изображались государи тогда, когда они не были непосредственными участниками или инициаторами изображаемых событий, например в сценах пожара). В то же время изображение государя могло служить и напоминанием о том, что он лично был свидетелем и «вражды бояр», и «убийства» дьяка Мишурина.

Ниже эпизоды, отраженные уже прежде в миниатюрах л. 40 С. Слева бояре отдают повеление расправиться с Мишуриным. Много голов, ясно вычерчено несколько лиц: один боярин поднял палец правой руки — характерный для миниатюр знак распоряжения. Тем самым подчеркивается, что расправа над дьяком была без «государьского веления». Справа «княжата и боярские дети и дворяне» «обдирают» Мишурина «на дворе» близ жилого здания. Мишурин, как и в С, — с бородой, все остальные — без бород и не в корзно (семь ясно видных фигур и лиц, много голов).

Эти сцены отделены от сцены казни — нижнего яруса миниатюры — стеной, где четко нарисован частокол с замком на воротах справа. 277

Это тюрьма; «в тыну», в заключении, были и жена Андрея — Старицкая с сыном, по описанию П⁸². О том, что казнь Мишурина произошла «у тюрем», записано даже в Пермско-Вологодской летописи, однако составитель ее, быть может недостаточно осведомленный о силе возвысившихся боярских группировок, писал по стандарту, что «князь великий Иван Васильевич всеа Руси» велел (в восемь лет! — С. III.) «поймати» и «посадити в крепости» Овчину, а затем и «казнити смертною казнию дьяка своего Федора Мишурина, у тюрем головы съсечи»⁸³. Сам дьяк лежит, полностью обнаженный, руки его согнуты, одна на плахе (плаха шире и короче, чем в миниатюре л. 40 С). Рядом, слева над ним — несколько человек. Все безбороды и одеты не в корзно, как и в сцене раздевания Мишурина. Впереди палач (тоже безбородый) держит в обеих руках секиру (как и на рисунке в С) и готовится нанести удар. Это — мгновенье перед казнью. В этой миниатюре соответственно с текстом Ц и особенно с вошедшей в него припиской С о том, что совершали казнь не бояре, более четко показано общественное положение исполнителей боярского «повеления».

Так, на примере сравнительного изучения описания одного события (или группы взаимосвязанных событий) октября 1538 г. в лицевых летописях можно наблюдать, как складывалась в полемике летописателей (друг с другом и даже с самим собой) определенная концепция политической истории России XVI столетия. Это убеждает в справедливости замечания Б. А. Рыбакова о том, «что в применении к Древней Руси очень трудно провести грань между источниковедением и историографией, быть может, эта грань для той эпохи и не особенно нужна»⁸⁴. Думается, что это наблюдение можно распространить и на Россию XVI в. — время создания сочинений Ивана Грозного и Курбского и составления Лицевого летописного свода.

¹ Опубликована в ПСРЛ (т. XIII. СПб., 1-я половина 1904; 2-я половина 1906). Воспроизведена фототипически в 1965 г. См.: Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1970, с. 127—128 (№ 749 — С. 962).

² Опубликована в ПСРЛ (т. XIII, 2-я пол.). Фототипическое воспроизведение — в 1965 г. См.: Описание рукописей Синодального собрания..., с. 128—130 (№ 750 — С. 149).

³ Литературу см.: Шмидт С. О. О датировке приписок в лицевом летописном своде. — В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975; см. также *Скрышников Р. Г.* Загадка древнего автографа. — Вопросы истории, 1977, № 9; работы И. В. Курукина, С. А. Морозова, В. В. Морозова в кн.: Великий Октябрь и всемирно-исторический процесс. Тезисы докладов. М., 1977 (ротапринтное издание), с. 239—246; работы Б. М. Клосса, В. В. Морозова, С. А. Морозова в кн.: Тезисы докладов. Конференция по истории средневековой письменности и книги. Ереван, 1977 (ротапринтное издание); статьи В. В. Морозова и С. А. Морозова в кн.: Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978 (ротапринтное издание).

⁴ О Ф. М. Мишурине см.: *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, с. 163; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 344—345; *Он же.* Исследования по истории опричнины, М., 1963, с. 220; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. — ИЗ, т. 87. М.,

- 1971, с. 253—254; *Он же*. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 413, 414, 420; *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.—Л., 1957; и др.
- ⁵ ПСРЛ, т. XIII, с. 414.
- ⁶ ПСРЛ, т. XIII, с. 412; т. IV, ч. I, вып. VIII. Л., 1929, с. 557.
- ⁷ См.: *Каштанов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века.— В кн.: Археографический ежегодник за 1957 год (далее — АЕ). М., 1958; *Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в.— В кн.: АЕ за 1966 год. М., 1968.
- ⁸ Акты, относящиеся к истории Западной России, т. II. СПб., 1846, № 179.
- ⁹ См.: *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961, с. 92, 143, 155.
- ¹⁰ ПСРЛ, т. XII, с. 102; т. XX, с. 434.
- ¹¹ *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в.— ИЗ, т. 10, М., 1941, с. 86. Указание А. А. Зимина (Дьяческий аппарат..., с. 254), будто именно Ф. Мишуриин «в начале 1537 г. ездил с ответственной миссией к князю Андрею Старицкому», со ссылкой на ПСРЛ (т. XIII, с. 92), не подтверждается этим летописным текстом. «Увещати» Старицкого послали Путятина (ПСРЛ, т. XIII, с. 92). Очевидно, что А. А. Зимин перепутал имена дьяков, так как в характеристике деятельности Путятина в этой же его работе (с. 263—264) о подобной «миссии» Путятина не упоминают.
- ¹² Послания Ивана Грозного (далее — ПИГ). М.—Л., 1951, с. 33, 93.
- ¹³ См.: *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы...; *Шмидт С. О.* О дьячестве в России середины XVI в.— В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.
- ¹⁴ Акты исторические, т. I. СПб., 1841, № 140 (с. 203). Дата уточнена И. И. Смирновым (*Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958, с. 80, прим. 9).
- ¹⁵ *Шмидт С. О.* Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549).— Труды Московского государственного историко-архивного института, 1954, т. 6, с. 227.
- ¹⁶ Об этом см.: *Соловьев С. В.* История России с древнейших времен, т. III. М., 1960, с. 423 и сл.; *Бахрушин С. М.* Научные труды, т. II. М., 1954, с. 264; *Тихомиров М. Н.* Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг.— ИЗ, т. 46. М., 1954, с. 278 и сл. (далее — Постниковский летописец); *Смирнов И. И.* Очерки..., с. 80 и сл.; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960, с. 249 и сл.
- ¹⁷ *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 года.— В кн.: Исторический архив, т. VII. М., 1951, с. 288.
- ¹⁸ ПСРЛ, т. XIII, с. 98.
- ¹⁹ ПСРЛ, т. VIII, с. 295; т. XIII, с. 98.
- ²⁰ *Левина С. А.* О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века.— ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955.
- ²¹ ПСРЛ, т. XIII, с. 126; т. XXIX, с. 32.
- ²² О летописце начала царства см.: *Лаеров Н. Ф.* Заметки о Никоновской летописи.— В кн.: Летопись занятий Археографической комиссии, т. XXXIV. Л., 1927; *Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его современники. М., 1958, гл. 1, § 1; ПСРЛ, т. XXIX. Предисловие.
- ²³ ПСРЛ, т. XIII, с. 126; т. XX, с. 448—449; т. XXIX, с. 34.
- ²⁴ Литература указана в составленной Р. П. Дмитриевой книге: Библиография русского летописания. М.—Л., 1962; см. также: *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 472 и сл.; *Буганов В. И.* Отечественная историография русского летописания. М., 1975, с. 282 и сл.
- ²⁵ *Пресняков А. Е.* Завещание Василия III.— В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922, с. 74.
- ²⁶ *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 248.
- ²⁷ Определение А. Е. Преснякова (Завещание Василия III, с. 75).
- ²⁸ *Шмидт С. О.* Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного.— Советские архивы, 1966, № 2, с. 50; *Он же.* Становление российского самодержавства. М., 1973, с. 27.
- ²⁹ ПСРЛ, т. XIII, с. 98.
- ³⁰ Постниковский летописец, с. 285.
- ³¹ Постниковский летописец, с. 281.
- ³² ПИГ, с. 33, 93.

- ³³ Об этом см.: *Протасьева Т. Н.* К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи (Син. № 962).— В кн.: Летописи и хроники. 1973, М., 1974.
- ³⁴ См.: *Раушенбах Б. В.* Пространственные представления в древнерусской живописи. М., 1975.
- ³⁵ *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки, т. II. СПб., 1861, с. 301—303; см. также: *Гуревич А. Я.* Представления о времени в средневековой Европе.— В кн.: История и психология. М., 1974, с. 189.
- ³⁶ *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944; см. также: *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства, с. 43 и сл.; *Он же.* Первое упоминание об Оружейной палате и миниатюры Царственной книги.— В кн.: Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования, вып. II. М., 1976.
- ³⁷ *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, с. 14.
- ³⁸ *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры..., с. 74.
- ³⁹ *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры..., с. 101.
- ⁴⁰ Там же, с. 131—132.
- ⁴¹ Воспроизведена в кн.: *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965, с. 309.
- ⁴² О жестах в миниатюрах см.: *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры..., с. 132; *Подобедова О. И.* Миниатюры..., с. 310—312.
- ⁴³ ПСРЛ, т. XIII, с. 98.
- ⁴⁴ ПСРЛ, т. XIII, с. 126; см. также т. XX, с. 449; т. XXIX, с. 34.
- ⁴⁵ Постниковский летописец, с. 285.
- ⁴⁶ См.: *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV—XVI веках.— В кн.: АЕ за 1957 год. М., 1958, с. 50 (прим. 105).
- ⁴⁷ ПСРЛ, т. XXIX, с. 135.
- ⁴⁸ ПСРЛ, т. XXIX, с. 32; см. также: ПСРЛ, т. XIII, с. 123; т. XX, с. 447.
- ⁴⁹ Постниковский летописец, с. 285.
- ⁵⁰ ПСРЛ, т. XIII, с. 431.
- ⁵¹ ПСРЛ, т. XXIX, с. 134.
- ⁵² ПСРЛ, т. XXIX, с. 31; см. также: т. XIII, с. 121; т. XX, с. 445.
- ⁵³ Постниковский летописец, с. 284.
- ⁵⁴ ПСРЛ, т. XXIX, с. 135.
- ⁵⁵ Об опале М. В. Тучкова см.: *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы..., с. 94; *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, с. 220—221; *Шмидт С. О.* Новое о Тучковых (Тучковы, Максим Грек, Курбский).— В кн.: Исследование по социально-политической истории России.— Труды ЛОИИ, 1971, вып. 12.
- ⁵⁶ См. наблюдения Д. Н. Альшица (*Альшиц Д. Н.* Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования.— Труды ГИБ, 1957, Л., вып. I (IV), с. 144).
- ⁵⁷ *Пресняков А. Е.* Царственная книга. Ее состав и происхождение. СПб., 1893, с. 7.
- ⁵⁸ См.: *Шмидт С. О.* О приписках к лицевым летописям времени Ивана Грозного.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976.
- ⁵⁹ *Бахрушин С. В.* Научные труды, т. II, с. 333.
- ⁶⁰ *Альшиц Д. Н.* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени.— ИЗ, т. 23. М., 1947.
- ⁶¹ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие..., с. 256; *Черепнин Л. В.* Русская палеография. М., 1956, с. 323.
- ⁶² *Пресняков А. Е.* Царственная книга, с. 12 и сл.
- ⁶³ О работе древнерусского книжника см.: *Лихачев Д. С.* Текстология. М.— Л., 1968, с. 88 и сл.
- ⁶⁴ ПСРЛ, т. XXIX, с. 135.
- ⁶⁵ *Пресняков А. Е.* Царственная книга, с. 17—18.
- ⁶⁶ *Бахрушин С. В.* Научные труды, т. II, с. 332.
- ⁶⁷ *Альшиц Д. Н.* Иван Грозный и приписки..., с. 252.
- ⁶⁸ См.: *Шмидт С. О.* О времени составления «Выписи» о втором браке Василия III.— В кн.: Новое в прошлом нашей страны. М., 1967, с. 117—118.
- ⁶⁹ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины, с. 128.
- ⁷⁰ ПИГ, с. 29, 33, 90, 93; *Шмидт С. О.* Новое о Тучковых, с. 141.
- ⁷¹ ПСРЛ, т. XIII, с. 126; т. XX, с. 448—449.
- ⁷² См.: ПСРЛ, т. XXIX, с. 34.
- ⁷³ ПСРЛ, т. XIII, с. 432, прим. 4.

⁷⁴ ПСРЛ, т. XIII, с. 126; т. XX, с. 448—449.

⁷⁵ См. также: ПСРЛ, т. XIII, с. 431—432.

⁷⁶ Шмидт С. О. Заметки о Синодальном списке Лицевого летописного свода.— В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 300.

⁷⁷ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. М., 1925, с. 84; Staden H. Aufzeichnungen über den Moskauer Staat. Hamburg, 1964, S. 17.

⁷⁸ См.: Шмидт С. О. Об адресатах первого послания Ивана Грозного князю Курбскому.— В кн.: Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976, с. 320.

⁷⁹ Пресняков А. Е. Завещание Василия III, с. 74.

⁸⁰ ПСРЛ, т. XIII, с. 523.

⁸¹ Там же, с. 522.

⁸² Постниковский летописец, с. 284.

⁸³ ПСРЛ, т. XXVI, с. 318.

⁸⁴ Рыбаков Б. А. Древняя Русь, с. 346.

А. А. ЮШКО

О НЕКОТОРЫХ ВОЛОСТЯХ И ВОЛОСТНЫХ ЦЕНТРАХ МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ XIV В.

Немалые возможности в решении вопросов земле-
владения таит в себе верное картографирование географической номенк-
латуры письменных источников.

Для Московской земли важнейшим в ряду таких источников является
духовная грамота Ивана Даниловича Калиты. Вопросы ее географии
достаточно разработаны в исторической литературе¹. Специально этой
теме посвящена работа В. Н. Дебольского (1901 г.), в которой автор,
привлекая такие, не используемые ранее материалы, как данные писцо-
вых книг Московского государства XVI в., межевых грамот 1504 г.,
а также данные топонимики, смог локализовать подавляющее большин-
ство пунктов духовного завещания Калиты. И все же в итоге работ ис-
следователей часть волостей и слобод, поименованных в духовной,
осталась не локализованной: Негуча, Нарунижское, Нивна, Галичичи и
др. Часть волостей была локализована очень приблизительно: Гвоздна,
Ивани-деревни, Суходол и др., по местоположению другой части волостей
у исследователей имелись существенные противоречия: Городена², Се-
верьска³.

Между тем вопросы максимально точной локализации пунктов земле-
владения письменных источников оказываются весьма существенными в
решении проблемы складывания феодального землевладения Москов-
ской земли. Имея в перспективе возможность картографирования основ-
ных видов феодального землевладения — великокняжеского, боярского и
монастырского, мы тем самым надеемся получить данные о взаимораспо-
ложении указанных форм землевладения⁴.